

Andrej Isaev

Ekonomičeskaja
demokratija

Андрей ИСАЕВ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Современная идеология
традиционных профсоюзов России

sovremennaja ideologija

tradicionnyx profsojuzov rossii

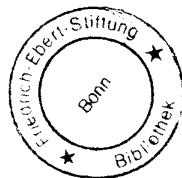
Rabočaja Politika

**РАБОЧАЯ
ПОЛИТИКА**

специальный выпуск

Москва -1997

A 97 - 08528

"Рабочая Политика" - периодический образовательный и проблемно-аналитический журнал по вопросам труда и профсоюзного движения. Издается 6 раз в год Информационно-исследовательским центром рабочего движения "КАС-КОР" при содействии Московского бюро Фонда им.Фридриха Эберта. Год издания - третий. Тираж выпуска 1000 экз.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Кирилл Букетов (главный редактор)
Вадим Борисов
Михаил Грачев
Оксана Гришко
Виктор Комаров (представитель в Санкт-Петербурге)
Павел Кудюкин
Борис Ракитский
Александр Шершуков
Александр Шубин

Адрес для писем: 129642, Москва, а/я 16, КАС-КОР.

Телефон: (095) 930-26-21. Факс: (095) 938-73-68.

Пейджинговая связь: (095) 956-12-22 N 13594.

Телефон/факс в С-Петербурге: (812) 315-70-36.

E-mail: kaskor@glasnet.ru

"Рабочая Политика" входит в Межрегиональную организацию профсоюзной прессы "ПроПресса" и в Международную Федерацию ассоциаций рабочего образования (IFWEA).

Исаев А.К. Экономическая демократия. Современная идеология традиционных профсоюзов. - Специальный выпуск журнала "Рабочая Политика". М., ИЦ "КАС-КОР", 1997 г.

© КАС-КОР, 1997.

ЗАЧЕМ ПРОФСОЮЗАМ ИДЕОЛОГИЯ? (вместо введения)

Ни одно действительно народное движение не может существовать имея только сиюминутные, сугубо прагматичные цели. Любая массовая организация нуждается в идеалах. Мы не можем тратить свою жизнь, вкладывать душу в дело, которое не наполняет эту жизнь смыслом, не дает ощущение значимости и справедливости наших шагов и поступков. Без идеалов в движении может сохраниться руководство, платные функционеры, пассивные плательщики взносов, но не актив. А без реального актива любое движение обречено на перерождение. Поэтому, несмотря на все призывы пренебречь теорией ради "конкретики", превратить нашу работу в текучку сиюминутных дел, мы вновь и вновь будем возвращаться к проблеме цельной и развернутой идеологии профсоюзов.

Сегодня профсоюзам нужна не только программа действий, но и система ценностей, понимание важности того, что они делают не только для собственной корпорации, но и для народа, страны, человечества.

В последние годы рабочее движение утратило привкус романтики, деятельность организаций трудящихся все больше и больше приобретает оттенок сухого прагматизма, сводится к борьбе за вполне законные, но все-таки исключительно потребительские интересы. Этот меркантильный подход разрушает основу профсоюзного движения - солидарность, которая не может базироваться только на соображениях собственной выгоды.

Прямым проявлением кризиса стало катастрофическое снижение интереса к профсоюзной деятельности в первую очередь у молодежи, быстрое старение профсоюзных рядов. В свое время Троцкий в полемике со Сталиным назвал молодежь барометром партии. И он был, безусловно, прав в том смысле, что молодежь наиболее чутко реагирует на бюрократическое перерождение любой организации, на утрату ею здорового идеализма, - к такому движению молодые люди тут же теряют всякий интерес. Нынешний возрастной и кадровый кризис профессиональных объединений трудящихся есть проявление кризиса системы ценностей. Но это не вина, а беда сегодняшних профсоюзов. Ведь их кризис ценностей есть в свою очередь следствие упадка "левой" идеологии вообще.

До самого последнего времени на левом фланге общественной мысли и политики господствовали различные вариации идеологии

государственного социализма. И его экономический, моральный и политический крах в конце 1980-х годов разрушил романтику и квазирелигиозность, вдохновляющие на "последний и решительный бой" несколько поколений рабочих и интеллигентов.

Сегодня повсюду - в особенности в России и странах бывшего соцлагеря "левые", которые всегда считались революционерами или хотя бы реформистами, по духу и образу действий стремительно превращаются в консерваторов. Они объединяют преимущественно людей старшего возраста и ведут главным образом оборонительные сражения, отстаивая перед лицом наступающего свободного рынка те социальные гарантии, которые были завоеваны во многих странах под знаменем борьбы за социализм. В этом изменении есть, безусловно, и положительная сторона, связанная с переоценкой ценностей и отказом от чрезмерного радикализма. Но главный минус происходящей мутации - утрата "левыми" привлекательного общественного идеала. Того идеала, который долгие годы оставался моральным укором несправедливости и эксплуатации, нарядным в мире, и был ориентиром для социальных реформ.

Борьба за этот идеал и попытка воплощения его составляла смысл жизни для целых поколений. Ложная духовность и квазирелигиозность государственного социализма, конечно же, вели по ошибочному пути и в принципе не могли решить проблем ни отдельной личности, ни общества в целом. Но не лучше оказался пришедший на смену госсоциализму в нашей стране духовный и интеллектуальный вакуум торгово-потребительского общества и порожденный им тип личности - рыночный характер. Но об этом чуть ниже.

7 декабря 1996 года завершил свою работу третий съезд Федерации независимых профсоюзов России. Полностью оценить его значение, понять, удалось ли съезду решить ставившуюся перед ним задачу: преодолеть кризисные явления в профсоюзном движении, укрепить его идейно и организационно, - понять это со всей определенностью можно будет только спустя некоторое время. Как сказал поэт: "Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянии". Но уже сейчас очевидно, что сами по себе решения съезда несут чрезвычайно масштабный характер, знаменуют собой качественный скачок в понимании целей и принципов рабочего движения, что уже только благодаря самому факту рассмотрения и принятия принципов, изложенных в Программном документе, съезд не стал заурядным событием.

Одной из центральных идей нового Программного документа ФНПР является идея **экономической демократии**. "Все вопросы в

сфере производства, - говорится в документе, - должны решаться с учетом мнения и при непосредственном участии тех, кого они касаются... Должно быть гарантировано участие трудящихся в управлении производством и в получении согласованной доли прибыли, независимо от формы собственности предприятия".¹ В Отчетном докладе Генерального Совета ФНПР съезду это положение разъяснено следующим образом: "Мы убеждены, что в цивилизованном обществе должна существовать и эффективно действовать система экономической демократии, при которой трудящиеся, в первую очередь через систему коллективных договоров и соглашений, участвуют в управлении производством, в определении условий труда и его оплаты, решении судьбы предприятия, формировании социально-экономической политики государства и установлении социальных гарантий".²

Автору этой публикации пришлось непосредственно участвовать в написании и организации обсуждения проекта Программного документа и быть свидетелем и участником споров, разгоревшихся вокруг самого понятия "экономическая демократия". Многим оно поначалу показалось непонятной новацией, нашим самодельным изобретением. Потребовалось пояснить его значение, и это было сделано в Отчетном докладе Генерального Совета. Но понятие это не ново. Оно давно стало весомой частью идеологии профсоюзов и социал-реформистских партий европейских стран. Содержится оно и в названии утвержденной еще в начале 1993 года платформы Московской федерации профсоюзов, и в тексте платформы ФНПР, принятой за основу вторым съездом Федерации в октябре 1993 года.

После нескольких лет экономических экспериментов неоллибералов, именовавших себя демократами, слово "демократия" в России оказалось скомпрометированным. Однако оно, как известно, переводится на русский язык не иначе как народовластие. Поэтому под экономической демократией следует понимать не свободу предпринимательства, как посчитали некоторые, а создание системы, позволяющей всем работающим членам общества, а не только предпринимателям и чиновникам реально участвовать в управлении производством и распределении его результатов.

¹ Программный документ ФНПР. "Солідарність", 1996, декабрь, №24 (145), приложение, с.7. (Далее сноски на Программный документ и Отчетный доклад Генерального Совета III съезду ФНПР даются на это издание).

² Отчетный доклад. Там же, с. 15.

ЕСТЬ ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА ИДЕЯМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ?

До принятия экономической демократии в качестве официальной доктрины ФНПР в рабочем движении России уже существовали иные подходы к пониманию глобальных целей профсоюзов. Один из них получил широкое распространение в начале либеральных рыночных реформ. Его наиболее последовательным сторонником является лидер альтернативного ФНПР профобъединения СОЦПРОФ г-н Храмов, хотя менее определенные приверженцы этого подхода встречаются и в других как новых, так и традиционных профцентрах. Условно их принципы могут быть определены как либеральный тред-юнионизм. Его сторонники беспредельно верят в животворящие возможности свободного рынка, который якобы сам без целенаправленного вмешательства со стороны государства и общества способен все расставить по своим местам, обеспечить гармоничное саморазвитие производства, и полагают, что в условиях рыночной экономики задача профсоюзов сводится исключительно к обеспечению максимально выгодной продажи рабочей силы.³

Либеральные тред-юнионисты, как правило, либо работают в профсоюзах, либо тесно связаны с ними, но не понимают, что если бы их теория была бы верна, то они давно уже стали бы безработными, поскольку профсоюзы прекратили бы существование в качестве *общественного движения*. Им на смену пришли бы юридические консультации, которые помогали бы работникам грамотно составить трудовые контракты, как нотариальные конторы помогают написать завешание. Но профессиональные союзы продолжают существовать как массовое народное движение, задачи которого не укладываются в рамки простого торга с работодателем вокруг зарплаты и условий труда. Кроме решения этих, безусловно, важнейших вопросов на уровне каждого отдельного предприятия, профсоюзы борются за установление государственных социальных гарантий, активно вмешиваются в политику, добиваясь от

законодательной и исполнительной власти принятия и реализации определенных социальных и экономических решений в интересах наемных работников и членов их семей, организуют досуг, отдых и обучение трудящихся.

Позиции сощпрофовского лидера во многом объяснимы спецификой его профцентра. Для мелкой организации ее действия в локальном масштабе представляются самооценными. ФНПР же имеет большие возможности для обобщения и анализа и поэтому понимает, что вопросы той же зарплаты не всегда зависят от положения дел на конкретном предприятии, корень проблем может быть, например, и в экономической политике правительства.

По иронии судьбы напль либеральные тред-юнионисты, являющиеся, как правило, противниками социализма и социалистических теорий, в данном вопросе выступают как самые догматичные сторонники... К.Маркса. Ведь именно доктор Маркс ввел в научный оборот идею о том, что рабочая сила есть товар, отличающийся от других продаваемых на рынке вещей только способностью создавать прибавочную стоимость. Однако на исходе XX века говорить о "продаже рабочей силы" не вполне корректно. Во-первых, потому что давно очевидно, что доходы трудящихся определяются не только конъюнктурой на "рынке труда", но и такими факторами как общий уровень социально-экономического развития, политическая система, религиозные, исторические и культурные традиции страны, степень организованности и влияния рабочего движения.

Во-вторых, сегодня квалифицированный работник продает не *рабочую силу, а труд*, не себя - в качестве безмозглого говорящего орудия - уступает во власть хозяину на определенное количество часов, а в качестве специалиста участвует в производстве. Причем в производстве не только продукции, но и технологий. Это значит, что он создает не только переменный, но и постоянный капитал предприятия и объективно имеет право хотя бы отчасти быть его совладельцем наряду с работодателем, вкладывающим в общее дело свой организационный талант и деньги.

И, наконец, для всех непрезытых наблюдателей давно очевидно, что "свободный рынок" - это такая же идеологическая химера, как и брежневский развитой социализм. "Свободного рынка" нет ни на Западе, ни тем более в России. Повсюду сложились и действуют мощные монопольные группировки, которые формируют спрос, применяя новейшие технологии "промывания мозгов", навязывают определенный тип потребления, стремятся диктовать цены на "рынке труда", используя при этом не только

³ См., например, такое высказывание Храмова о СОЦПРОФЕ: "Мы создавались именно как профсоюз, выступающий на рынке труда в качестве коллективного представителя продавца наемной рабочей силы. И мы были полны решимости построить именно такой профсоюз, который... в состоянии обеспечить максимально высокую цену продажи этой рабочей силы" (Рулет В. Мифы и реалии профсоюзного движения современной России. Диалог с Сергеем Храмовым. - М., 1996, с.37).

экономические, но и политические рычаги. На их стороне целая армия тесно связанной с ними государственной бюрократии.

Либеральный тред-юнионизм отказывается учитывать эти факторы, и по-этому победа этой идеологии обрекла бы профсоюзное движение на постоянные поражения в борьбе с более реалистично мыслящим противником. Кроме того, безоговорочное принятие чисто рыночной идеологии, отказ от идеалов рабочего движения, сведение его задач к грубому материализму, "выдавливание" из хозяев большей платы, отождествление себя со своего рода "рабочим резкетом" превратило бы профсоюзы в удобное пристанище и легальную крышу для такого вполне рыночного явления, как организованная преступность. Такие факты имели место в рабочем движении США, где либеральный тред-юнионизм был доминирующей доктриной.

Своеобразную противоположность либеральному тред-юнионизму являет собой идеология **государственного социализма**. Еще десять лет назад в нашей стране она была официальной и долгие годы оказывала огромное влияние на профсоюзы всего мира. Сегодня в России на подобных позициях стоит крайне левое профбюединение "Защита", но немало сочувствующих подобным подходам можно найти и в традиционных профсоюзах. Сторонники этой точки зрения убеждены, что подлинные цели рабочего движения лежат за рамками профсоюзной деятельности. Освобождение труда, по их мнению, возможно лишь после экспроприации частной собственности на средства производства и передачи ее "всему обществу" (то есть реально - государству), перехода власти "в руки самих трудящихся" и т.п. Они считают противоречия между наемными работниками и работодателями непримиримыми, не верят в социальное партнерство. Поэтому возможности профсоюзной деятельности, с их точки зрения, изначально ограничены: сами по себе профсоюзы могут добиваться лишь частичных уступок со стороны капиталистов, но не способны спасти трудящихся от эксплуатации. Профсоюзы воспринимаются госсоциалистами как структура, выполняющая подчиненную задачу в иерархии целей рабочего движения. Роль профсоюзов видится им в том, чтобы организовать трудящиеся массы для борьбы за экономические права и тем самым подготовить к решающей битве против эксплуататоров, которую способна возглавить только политическая партия. Поэтому, какие бы разговоры о равноправном сотрудничестве между партией и профсоюзами не вели сегодня сторонники государственного социализма, они не могут смотреть на профсоюзы иначе как на "приводные ремни от партии к массам".

Это предопределено их идеологией. Правильными они считают только те действия профсоюзов, которые помогают "рабочей" партии в ее борьбе за власть.

Но подобный подход извращает саму суть профсоюзного движения. Следуя ему, профсоюзы вместо того, чтобы выражать социально-экономические интересы своих членов, становятся проводником политических интересов партийного руководства. Кроме того, ниже я постараюсь доказать, что сами цели "всеобщей экспроприации частной собственности" и "перехода власти непосредственно в руки трудящихся" являются для рабочего движения иллюзорными.

Широкое распространение в последние годы получила идеология, которую условно можно назвать **профсоюзным прагматизмом**. Ее сторонники стремятся вообще избежать разговоров о каких-то глобальных целях профсоюзного движения и исходят из формулы: "наша задача - в любой ситуации всеми законными средствами защищать интересы членов профсоюзов, а идеологические споры мы оставляем за порогом". Этот подход на уровне бытовой мудрости кажется гораздо практичнее доктрин либерального тред-юнионизма и государственного социализма и, несомненно, имеет немало сторонников среди профсоюзных работников и активистов. Он во многом соответствует нынешней ситуации, когда профсоюзное движение находится как бы в обороне, защищая права трудящихся от наступления либеральных реформаторов. Но окончательная победа подобного подхода несла бы в себе риск оставить нас в *вечной обороне*. Не имея собственной идеологии, собственных глобальных целей, а следовательно, и собственной стратегии, профсоюзы застыли бы в пассивно-выжидательной позиции, ограничивая свои задачи реакцией только на внешние раздражители: изменения рыночной конъюнктуры, решения властей и т.п., то есть действовали бы в фарватере чужой стратегии. В результате движение было бы обречено на постоянное отставание от ситуации, снизилась бы мотивация членства в профсоюзах.

К счастью, понимание этого в профсоюзных рядах становится все большим: "Защитная позиция, - говорится в Концепции профсоюзного движения Санкт-Петербурга и Ленинградской области на 1996 - 2000 годы, - ослабляет волю и нарушает последовательность действий профсоюзов. Им приходится чаще

отвечать на уже принятые решения или на незаконные действия, бороться с последствиями, а не с причинами".⁴

Таким образом, профсоюзный прагматизм при всей его кажущейся рациональности и рассудочности так же, как и либеральный тред-юнионизм и идеология государственного социализма лишает профсоюзное движение перспективы. Такую перспективу способны дать сегодня идеи **экономической демократии**. Они не только предлагают профсоюзам долгосрочную стратегию борьбы за интересы трудящихся, но и делают эту борьбу значимой с точки зрения общечеловеческих ценностей, социального прогресса.

Однако для понимания этой новой цели профсоюзного движения нам необходимо соотнести ее со старыми целями, под которые формировались и с которыми более ста лет жили рабочие организации. Я имею в виду прежде всего идеи освобождения труда и построения общества, свободного от эксплуатации.

ПРОБЛЕМА ОТЧУЖДЕНИЯ, ИЛИ В ЧЕМ МАРКС БЫЛ ПРАВ

Современные апологеты ортодоксального марксизма считают наиболее важными элементами доктрины Карла Маркса учение о классовой борьбе, о ее неизбежном завершении в социалистической революции и диктатуре пролетариата и о последующем освобождении человечества путем построения коммунистического общества.

Все эти идеи - безусловно, весьма существенная составляющая теоретического наследия основоположника научного социализма, и они занимали центральное место в программах и политической деятельности его многочисленных последователей. Однако не следует забывать, что они, во-первых, оказались наименее проработанной частью учения. В сочинениях Маркса и Энгельса содержатся лишь небольшие и самые общие замечания относительно характера социалистической революции, сущности диктатуры пролетариата и коммунистического общества.⁵

⁴ Цит. по: газ. "Единство", С.-Пб., 1997, № 1(188), с. 6.

⁵ Эта непроработанность позитивного идеала у Маркса дала повод известному английскому либеральному философу-антисоциалисту Карлу Попперу утверждать: "Поскольку Маркс практически исключал всякую социальную технологию, которую осуждал как утопическую, его русские последователи оказались совершенно неспособными для решения своих гигантских

Во-вторых, рассматриваемые идеи, с точки зрения науки, были лишь *попыткой* решения поставленной Марксом в начале его творческого пути проблемы преодоления **отчуждения человека в современном обществе**.

Сегодня очевидно, что сама постановка проблемы отчуждения, ее конкретизация через критику системы наемного труда и капитала оказались наиболее сильной стороной наследия Маркса, и в отличие от его политической и философской доктрины, выдержав проверку временем, сохранили свою актуальность. Важен этот анализ и для понимания сегодняшних задач рабочего движения.

Проблема отчуждения была подробно исследована К.Марксом в "**Экономическо-философских рукописях**" 1844 года.⁶

К сожалению, эти весьма содержательные и важные для целостного понимания марксизма рукописи были впервые опубликованы только в 1932 году, когда уже сложилась и всюю практиковала школа так называемого марксизма-ленинизма. Нельзя не согласиться с известным исследователем творчества молодого Маркса Н.И.Лапиным, утверждавшим, что "если "Капитал" являет собой вершину экономического учения Маркса, то "Экономическо-философские рукописи" 1844 года составляют реальный исходный пункт его восхождения к этой вершине. И хотя итог оказался радикально иным, чем представлялось вначале, все же исторически движение началось именно в 1844 году".⁷

Идея отчуждения человека, сформулированная еще в немецкой классической философии, в 1844 году была впервые рассмотрена Марксом с экономических позиций. В качестве фундаментального, базисного Маркс назвал *отчуждение в процессе труда* или труд по принуждению, подневольный. Таковым был в те годы, а в определенном смысле остается и поныне - труд наемного работника.

Напомним, что Маркс рассматривал это отчуждение в четырех аспектах. Во-первых, наемному работнику не принадлежат ни

задач в области социальной инженерии. Как вскоре понял Ленин, марксизм был неспособен помочь в деле практической экономики. "Из всех социалистов, которые об этом писали, не могу припомнить ни одного, указывавшего на конкретную практическую трудность", - говорил Ленин после своего прихода к власти... После неудачного эксперимента - так называемого периода военного коммунизма - Ленин решил предпринять меры, которые фактически означали ограниченное и временное возвращение к частному предпринимательству. Однако НЭП и последующие эксперименты - пятилетние планы и т.д. - не имели ничего общего с теориями научного социализма, выдвинутыми Марксом и Энгельсом" (Поппер К. Открытое общество и его враги. - М., 1992 г., т.2, с.99).

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.42.

⁷ Лапин Н.И., Молодой Маркс. - М., 1986, с. 285.

используемые материалы, ни продукт труда. Они чужды ему. Чем больше предметов производит работник, тем больше становится мир чуждых ему вещей. Сплошь и рядом произведенные работником предметы, результаты его собственной деятельности выступают как бы против него: перепроизведенная продукция сбивает цену на труд, лишает рабочего места, промышленные отходы отравляют среду обитания и т.п. Но вся жизнь трудящегося человека оказывается подчиненной производству чуждых и враждебных ему вещей.

Во-вторых, сам процесс трудовой деятельности для наемного работника принудителен. У него нет выбора - работать или не работать, он работает не потому, что реализует свою потребность в труде, а чтобы заработать средства к существованию. В процессе труда работник подчинен - контроль, регулирование, управление, распределение результатов принадлежат не ему. Поэтому только вне труда работник ощущает себя свободным, "при еде, питье, в половом акте... распоряжаясь у себя в жилище, украшая себя и т.д."⁸ Получается, что наемный работник чувствует себя человеком, лишь осуществляя те функции, которые свойственны и животным. А труд - один из важнейших факторов, отличающих человека от животного, - превращается в унижение человеческого достоинства. Эту мысль Маркса прекрасно иллюстрируют такие русские народные мудрости, как: "От работы кони дохнут", "Ты - начальник, я - дурак" и т.п., отражающие принудительный и унижительный характер труда в современном обществе.

В-третьих, подневольный труд, по Марксу, вообще отнимает у работника его "*родовую жизнь*". Работник не реализует себя в процессе труда, а относится к этой важнейшей части своей жизни отчужденно. Также отчужденно в процессе труда человек относится и к природе. Он не стремится к гармонии с ней, а рассматривает ее исключительно как источник сырых материалов. Труд, который должен был бы соединять его с окружающим миром, с человечеством, быть мостком к будущим поколениям, рассматривается как средство поддержания индивидуального существования.

В-четвертых, подневольный труд порождает отчуждение между людьми. Отчуждены вследствие противоположности интересов наемный работник и работодатель, насторожены по отношению друг к другу производитель и потребитель, конкурируют за рабочие места сами трудящиеся.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.42, с. 91.

Так отчуждение в процессе производства, труда становится фундаментом отчуждения в обществе, вражды классов и социальных групп, порождает деформацию человеческой личности и общественной морали.

Век спустя, развивая эти идеи Маркса, выдающийся американский философ и психоаналитик Э.Фромм открыл категорию "*рыночный характер*" - психологический тип, порожденный социальным отчуждением при капитализме. Человек, живое существо "ощущает себя товаром на "рынке личностей" ...Успех зависит, главным образом, от того, насколько выгодно удастся... преподнести себя как личность, насколько красива упаковка."⁹ Фромм указывал, что "у людей с рыночным характером нет иных целей, кроме постоянного движения, выполнения всех дел с максимальной эффективностью, и если спросить их, почему они должны двигаться с такой скоростью... у них нет настоящего ответа. Они не интересуются такими философскими или религиозными вопросами, как "*для чего человек живет?*". Такого человека "не заботит ни его жизнь, ни счастье, а лишь то, насколько он годится для продажи".¹⁰

Этот анализ глубок и точен, он служит беспопытным приговором пошлым рассуждениям либералов о свободном рынке, как вершине человеческой цивилизации, и нравственным укором либеральным тред-юнионистам с их разговорами о продаже рабочей силы, как высшей цели профсоюзного движения.

Не может не вызывать сочувствия и гуманистический призыв Маркса к эмансипации (освобождению) человечества от отчуждения. Но на констатации этой цели и заканчивается наше идеологическое сходство с классическим марксизмом.

В ЧЕМ МЫ РАЗОШЛИСЬ С МАРКСОМ

Хотя Маркс сознавал, что для преодоления отчуждения труда необходим определенный уровень развития производительных сил, но ошибочно полагал, что этот уровень уже создан сложившимся к середине XIX века машинным производством.

Своеобразным воплощением отчуждения Маркс считал *частную собственность* и утверждал, что ликвидация и замена ее общественной собственностью и приведет к преодолению отчуждения и освобождению труда.

⁹ Фромм Э. *Иметь или быть?* - М., 1990, с. 152.

¹⁰ Там же, с.153.

Эта теоретическая ошибка Маркса основывалась на недостатке исторических знаний. Более поздние исследования природы докапиталистических общественных систем показали, что роль частной собственности в них была не столь значительна, как в современной Марксу Европе, и что эксплуататорские общества с самыми жесткими формами отчуждения могли вообще не знать частной собственности. Таковы, например, были цивилизации древнего Китая, Египта, царство инков в Южной Америке, где в роли верховного собственника и эксплуататора выступало государство, а не частные лица.¹¹

Впрочем, будем справедливы. Догадка об этом мелькнула и в сочинениях самого Маркса, заговорившего позже об особой природе восточных деспотий и об азиатском способе производства.¹² Но эти высказывания так и остались вне стройной схемы "классического марксизма", не были осмыслены его последователями. И в качестве магистрального пути преодоления социального отчуждения ими был выбран переход к общественной собственности на средства производства путем передачи ее в руки государства, которое якобы может стать выразителем интересов победившего во время революции пролетариата. Оказалось забыто высказывание самого молодого Маркса: "Бюрократия имеет в своем обладании государство - это ее частная собственность".¹³

"Пролетариат берет в руки государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность", - сформулировал Ф.Энгельс в "Анти-Дюринге" окончательный выбор марксистов.¹⁴

По жестокой иронии истории люди, объявившие себя последователями Маркса, построили общество государственного социализма без частной собственности на средства производства, но с эксплуатацией и отчуждением, на практике опровергнув теорию своего учителя. Диктатура пролетариата, как и предсказывал критик Маркса слева и его главный оппонент в Первом Интернационале М.А.Бакунин, переродилась в диктатуру "начальников коммунистической партии", нового эксплуататорского класса "красной бюрократии", а государственная собственность оказалась формой их безраздельного экономического господства.¹⁵

¹¹ См. об этом более подробно: Шубин А. Гармония истории. - М., 1992.

¹² См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.46, ч.1, с.462-465.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.1, с.272.

¹⁴ Там же, т.20, с.291.

¹⁵ См. об этом более подробно: Исаев А., Шубин А. В поисках социальной гармонии; Исаев А. Святос семейство, или Критика критической критики в ин.

Те, кто сегодня рискнет отрицать существование эксплуатации и отчуждения в бывшем Советском Союзе, пусть расскажет об этом семьям рабочих Новочеркасска, восставших в 1962 году против рабских условий труда и расстрелянных по прямому приказу вождей "пролетарского государства".¹⁶

В Отчетном докладе Генерального Совета III съезду ФНПР говорится: "В течение двадцатого века теоретики различных направлений связывали надежды на освобождение наемных работников от эксплуатации со сменой формы собственности на средства производства. Но исторический опыт показал: трудящиеся могут быть бесправными и на государственных, и на частных, и даже на коллективных предприятиях".¹⁷ Иными словами, не в форме собственности причина отчуждения, и не в ней ключ к его преодолению!

ПУТЬ К ПРЕОДОЛЕНИЮ СОЦИАЛЬНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ

В "Экономическо-философских рукописях" 1844 года Маркс называет и еще одного постоянного спутника отчуждения - *разделение труда*. И именно его следует считать первопричиной самого отчуждения.

Как и всякое общественное явление, разделение труда сочетает в себе как положительные, так и отрицательные стороны. Без разделения труда, без специализации был бы невозможен ни научно-технический прогресс, ни функционирование нынешнего сложного общественного механизма. Но именно разделение труда порождает отчуждение, делает человека, по меткому выражению Г.Маркузе, одномомерным, или, как говорил раньше Козьма Прутков, подобным флосу.

На заре цивилизации управление общественными процессами и производством выделилось в отдельную функцию в рамках общественного разделения труда. Это сделало неизбежным появление особого социального слоя управленцев, который стал господствующим или эксплуататорским классом. Для реализации своей организующей роли этот класс должен был экономическими и внеэкономическими методами принуждать эксплуатируемое

Исаев А., Шубин А. Демократический социализм - будущее России. - М., 1995, с. 9-12, 24.

¹⁶ См. об этом более подробно: "Солидарность", август 1992, спецвыпуск.

¹⁷ Отчетный доклад... с.15.

большинство к менее престижным видам труда, а для себя создавал больше материальные, культурные и досуговые возможности.

В современном нам индустриальном обществе такими классами-организаторами являются буржуазия и бюрократия.

Во всякой общественной системе господствующий класс неизбежно обзаводится не только работающей, но и паразитирующей, бесполезной - с точки зрения общественных интересов - частью (многочисленные приживалки, культурная и идеологическая обслуга, ростовщики, рванье и т.п.). На их содержание работающие эксплуататоры вынуждены брать с трудящихся дополнительную часть прибавочного продукта, создавая явление *сверхэксплуатации*. Все это, как уже говорилось, социальные издержки разделения труда, вызывающие справедливое недовольство народных масс и их стремление к переменам в обществе.

Но так как сегодня управлять могут все еще только профессионалы, и сохраняется неизбежное разделение на престижные и непрестижные формы труда, на управление и исполнение, то нам остается лишь констатировать, что *уровнем развития технологий и культуры предопределен уровень отчуждения человека в труде, и он не может быть преодолен никакими усилиями в политической и социальной сфере*. Назовем этот уровень *технологическим порогом отчуждения*.

Он может быть преодолен только тогда, когда развитие производительных сил общества сделает само существование профессиональных управленцев излишним, когда исчезнет разделение труда на творческий и нетворческий, управленческий и исполнительский, престижный и непрестижный. Но можно предположить, что если человечество благополучно доживет до столь светлых времен, то в этот момент уже не будет существовать ни собственности на средства производства в ее нынешнем понимании, ни класса наемных работников как такового.

До этого момента можно устраивать какие угодно социалистические революции, передавать власть и собственность самим трудящимся и все время возвращаться к одному печальному результату - воссозданию эксплуататорского общества с новым модифицированным слоем управленцев, а значит эксплуататоров во главе. Более того, подобные шаги, как показывает исторический опыт, каждый раз будут идти во вред рабочему движению, отбрасывая его назад от заветной цели.

Обычно под лозунгом "власть трудящимся" действуют те, кто сами собираются править от имени трудящихся, как их

политический авангард. Победив, они, как правило, первым делом уничтожают сложившиеся институты общественного контроля за властью под тем предлогом, что власть-де теперь и так перешла к самому народу. Рабочее движение теряет все свои завоевания предыдущего периода, профсоюзы из независимых объединений превращаются в привоные ремни партии и государства. Сокращается степень политической и экономической свободы, а следовательно, растет отчуждение работников. Поэтому цель борьбы за непосредственную власть трудящихся и общепародную собственность является для класса наемных работников иллюзорной, не соответствующей его подлинным интересам.

Но, может быть, из вышесказанного следует, что права либеральные тред-юнионисты, и максимум, что могут профсоюзы, - это выторговывать у хозяина сносные условия существования для трудящихся?

Думаю все же, что это не так, и задачи рабочего движения шире и благороднее. У нынешних работников, в отличие от их исторических предшественников, есть реальный шанс превратиться из наемных полурабов в подлинно свободных и уважаемых тружеников.

Дело в том, что кроме технологического существует и **социальный порог отчуждения**, который в наше время вполне может быть преодолен усилиями организованных трудящихся.

Один и тот же уровень развития производительных сил может порождать *разные типы производственных отношений* и, следовательно, разную степень отчуждения труда. При феодализме, например, в двух соседних поместьях, в одном из которых барщинное хозяйство, а в другом - оброчное, существовал совершенно разный социальный порог отчуждения крестьян. Помните, у А.С.Пушкина: "Ярем он барщины старинной оброком легким заменил. И раб судьбу благословил". "Раб" был счастлив не случайно. Оброчный крестьянин, в отличие от барщинного, самостоятельно собственными орудиями обрабатывал выделенный ему и его семье надел, отдавая помещику часть произведенной им продукции. Он был напрямую заинтересован в результатах своего труда, сам организовывал его и рассматривал свое основное средство производства - землю как почти свою, считая, что надел наверняка достанется и его потомкам. И степень его отчуждения в процессе труда была значительно ниже, чем у его работающего на барской земле соседа.

Историческая наука знает немало других примеров, когда социальная составляющая отчуждения при одном и том же уровне

технологического развития могла оказываться большей или меньшей в зависимости от воли людей, от принимаемых ими решений в экономической и социальной сфере. Поэтому мы можем говорить о том, что кроме технологической, предопределенной, неизбежной есть, вероятно, и **социальная составляющая отчуждения**. Ее возникновение связано с уже упоминавшимся явлением *сверхэксплуатации*, то есть стремлением господствующих классов к получению большей прибыли и большей возможности повелевать жизнью трудящихся, чем этого реально требует исполнение роли организаторов общественной жизни и производства.

В предшествующие исторические эпохи под воздействием ряда факторов, таких как борьба угнетенных классов, влияние христианской морали, развитие культуры, - социальная составляющая отчуждения могла уменьшаться, но никогда полностью не преодолевалась, порождая основу для социального протеста.

Только в новейшее время возникла главная предпосылка полного преодоления социального порога отчуждения - постоянно действующее массовое организованное движение трудящихся - профсоюзы. Если раньше борьба трудящихся классов против сверхэксплуатации носила или стихийный пассивный характер (саботаж), или вспыхивала в форме разрушительных бунтов и революций, то теперь в рамках постоянно действующих, имеющих собственную программу организаций она может быть последовательной и планомерной.

Завоевания профсоюзов с момента их зарождения и до наших дней - ярчайшая тому иллюстрация. Нормированный рабочий день, трудовое законодательство, обязательное пенсионное и социальное страхование, коллективные договоры и соглашения качественно изменили характер труда по сравнению с предшествующими историческими эпохами. В наши дни возник такой фактор, как *независимость* профсоюзов, которые наконец-то избавились от тотального контроля и руководства со стороны государства и других политических сил и теперь могут полностью реализовать свои основополагающие *родовые* цели.

Другими стали и сами трудящиеся: в развитых странах они грамотны, способны разбираться в вопросах управления, владеют сложными специальностями. Поэтому существование сегодня социального порога отчуждения не может быть оправдано ни с моральной, ни с экономической точки зрения.

Для нас очевиден и определен метод решения проблемы отчуждения в современных условиях - развитие экономической демократии.

Да, трудящиеся не могут сегодня обойтись без работодателей, без организаторов труда, но уже вполне способны взять их деятельность под свой контроль, исключить возможность сверхэксплуатации. Участвуя в управлении производством, как непосредственно на своем рабочем месте, своем предприятии, так и, заявляя свой голос через собственные профобъединения, при решении важнейших экономических проблем всей страны, получая долю прибыли от реализации готовой продукции, работник преодолевает отчуждение, перестает ощущать себя винтиком, восстанавливает в собственных глазах и в глазах общества престиж и уважение к своему труду и к себе как специалисту и как личности. Этот процесс, постепенно расширяясь, делает всех работников не формальными, а подлинными совладельцами национальной экономики, народного хозяйства, восстанавливает стимулы к честному труду. Таким образом, профсоюзное движение способствует решению не только личных проблем людей труда, но и глобальных вопросов, стоящих перед современным обществом.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ - ОСНОВА ДЕМОКРАТИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

XX век стал временем серьезнейших испытаний для демократии как политической системы. В начале столетия трудно было представить, что целые народы, еще недавно боровшиеся за парламентаризм и политические свободы, предпочтут им тоталитарное рабство, что в центре Европы фашизм возродит самые варварские формы отчуждения.

Победа демократии во второй мировой войне и в соревновании с государственным социализмом сегодня вовсе не кажется прочной.

Миллионы людей на Западе испытывают глубокое разочарование в демократических институтах, не верят в их способность эффективно справиться с растущими глобальными проблемами, такими, как экологический кризис и организованная преступность. Не верят они и в то, что подобная форма правления действительно представляет собой власть народа. Выборы, референдумы, общественные дискуссии воспринимаются многими как спектакли, устраиваемые политической верхушкой общества, которая реально сама и в своих интересах принимает все важнейшие

решения. Общественное мнение формируется политической элитой демократических стран по той же технологии "промывания мозгов", по которой крупнейшие монополии формируют спрос на свою продукцию на якобы свободном рынке. Выборы превращены в соревнование технологий и капиталов и имеют очень мало общего с их исходной задачей - обеспечить реальную власть большинства. Но это большинство не только не стремится вернуть себе первоначальную свободу выбора, но и вполне добровольно отказывается от нее, охотно становясь объектом психологических манипуляций. Оно покорно следует рекламе и предписаниям телеведущих в вопросах моды, музыкальных и эстетических вкусов, стиля жизни и общественного поведения. Это массовое разочарование в демократии на Западе, и его социально-психологические причины были исследованы Э.Фроммом в книге "Бегство от свободы" (1941 год), выдержавшей в послевоенное время не одно переиздание.

В России эти проблемы еще серьезнее. Политические свободы, только что ступившие на нашу землю, выхолены обнищанием широких слоев населения, чудовищной коррупцией государственного аппарата и сосредоточением контроля за основными средствами массовой информации в руках нескольких финансово-политических группировок. Для многих людей, еще недавно восторженно приветствовавших приход свободы и демократии, эти понятия стали синонимами нищеты и обмана. Это понимают все здоровые силы общества, в том числе и далекие от политической борьбы. "В стране сложилась такая ситуация, - говорится в заявлении Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и Священного Синода Русской Православной церкви от 28 декабря 1996 года, - при которой лишь ограниченное число людей может пользоваться благами, тогда как большинство оказывается за чертой бедности. Пропавшая между богатыми и бедными достигла критического соотношения, которое, по существу, может свести на нет равенство гражданских прав населения". И там же: "... для многих свободы, обретенные в результате перемен, обесцениваются из-за отсутствия экономической базы их реализации".¹⁸

Эта мысль высших иерархов русской церкви гораздо более глубока, чем может показаться на первый взгляд. Речь идет не только об отсутствии у людей реальных средств для того, например,

чтобы купить билет на самолет или поезд и поехать к родным, реализовав тем самым свою свободу передвижения, как об этом говорится в заявлении. Политические свободы и политическая демократия обесцениваются из-за недемократичности нынешней экономики, сделавшей возможным само возникновение подобной ситуации.

Представляется вполне очевидным, что отсутствие экономической демократии в России и ее недостаточная развитость на Западе явились важнейшими причинами, породившими кризис демократии как системы политического устройства общества.

Отсутствие механизмов эффективного общественного планирования основных экономических процессов, управления производством и справедливого распределения национального дохода приводит к тому, что, с одной стороны, в руках меньшинства сосредотачиваются огромные финансовые ресурсы, дающие возможность скучать на корню средства массовой информации, манипулировать общественным мнением, коррумпировать и ставить себе на службу депутатов и чиновников. С другой стороны, огромное число людей оказывается, как уже отмечалось выше, лишенным экономической базы и досуговых возможностей для реализации своих гражданских прав и реального участия в политической жизни страны.

Кроме того, демократия как система государственного управления пуста и формальна без развитого гражданского общества, общественных организаций, которым закон предоставляет реальные, а не декларативные возможности отстаивать различные социальные интересы людей. Потому что совершенно недостаточно, чтобы люди имели просто *формальные права*, необходимо, чтобы они были организованы и способны отстаивать свои интересы, используя права, предоставленные им законом. Становым хребтом гражданского общества являются самые массовые общественные организации - профсоюзы. Отсутствие у них реальных возможностей контролировать экономические процессы, обобщать, формулировать и отстаивать интересы наемных работников, участвовать в управлении экономикой и распределении национального дохода превращают демократию в игру в одни ворота, пирушку для буржуазии и бюрократии. Сегодня же как в России, так и за рубежом провозглашенные права профсоюзов могут быть реализованы на практике лишь частично.

Немаловажную роль в формировании способности людей реально использовать демократические институты играет фактор

¹⁸ Цит. по: Архив ИЦ "КАС-КОР". Копия документа предоставлена службой коммуникаций отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии.

социальной психологии. Политикой, общественными делами основная масса населения занимается меньшую часть своего времени. Окончательное формирование личности, характера зрелого человека происходит на работе, где современные люди проводят большую часть своей сознательной жизни. Ну а если там царит произвол работодателя, самодержавие директора, то может ли трудящийся осознавать себя равноправным гражданином и занимать активную общественную позицию. "Демократия в политике невозможна без демократии в экономике. Не могут быть свободными граждане, которых на рабочих местах превращают в бездумные винтики!" - говорится в Отчете докладе Генерального Совета III съезду ФНИР.¹⁹

Таким образом, сегодняшний кризис демократии - это кризис неполной, *ущербной демократии*, лишенной ее экономической базы. Не случайно поэтому третий съезд ФНИР проходил под девизом: "За социальную справедливость, права трудящихся и *реальную демократию!*" (курсив мой - А.И.). Реальная демократия в данном контексте как бы противопоставлялась нынешней формальной демократии.

Эта реальная демократия, затрагивающая не только политическую, но и социально-экономическую сферу жизни общества, должна прийти на смену нынешнему порядку вещей в результате борьбы профсоюзов. Но цели и характер этой борьбы отличаются от того "последнего боя", к которому звали государственные социалисты.

Признавая неизбежными противоречия между наемными работниками и работодателями, профсоюзы не считают эти противоречия антагонистическими и указывают на социальное партнерство - путь коллективных договоров и соглашений между основными участниками производства как метод решения этих противоречий на каждом конкретном отрезке времени.²⁰ И если госсоциалисты призывали бороться с отчуждением путем усиления отчуждения и конкретно такой его формы, как *классовая борьба*, то путь экономической демократии предполагает преодоление одного вида социального отчуждения - отчуждения работника в труде за счет снятия другого - *классовой вражды*. Это закладывает основу того самого общественного согласия, о котором в России последние время так много говорят и без которого невозможно дальнейшее сохранение политических свобод.

Сегодня общество стоит перед альтернативой: или переход к реальной демократии, обеспечивающей не только контроль избирателей за политической властью, но и участие трудящихся в управлении производством и распределении его результатов, или возврат к авторитаризму на новом уровне. К тому, что Э.Фромм называл "технократическим фашизмом", или "фашизмом с улыбающимся лицом".

И это вовсе не мрачная антиутопия. Дело в том, что в политической сфере жизни общества, как и в экономике, действует технологический порог отчуждения. Сегодня также невозможно серьезно говорить о том, что власть непосредственно может принадлежать самому народу, как и об общественной собственности. Власть в условиях разделения труда даже в самой демократической стране непосредственно осуществляется чиновниками, государственной бюрократией, которая является самостоятельным социальным слоем. И демократию поэтому следует понимать не как прямую власть народа, а как реальную возможность рядовых граждан избирать, контролировать и влиять на тех, кто осуществляет эту власть непосредственно. Однако, как отмечалось выше, в современном обществе в условиях концентрации экономического могущества в руках элиты механизмы этого контроля становятся все более формальными и масса населения утрачивает к ним интерес. Можно с достаточным основанием предположить, что сегодня институты политической демократии существуют не по воле народа, а потому что группировки самой правящей элиты не могут договориться между собой и вынуждены сохранять политические свободы как гарантию собственной безопасности перед лицом конкурентов.

Но завтра, когда глобальные проблемы заставят власть имущих забыть старые распри и они уже не смогут обойтись без сверхэксплуатации, квазидемократическая маска будет отброшена, и буржуазно-бюрократический либерализм откроет свое подлинное лицо. Если история пойдет по этому сценарию, то не только рабочее движение, но и всякие конструктивные общественные инициативы, всякий социальный прогресс зайдет в тупик.

Каждый честный человек, каждая общественная организация должны бороться против этого своими средствами и на своем месте. Профсоюзы этой невеселой перспективе могут противопоставить только борьбу за экономическую демократию.

¹⁹ Отчетный доклад... с.15.

²⁰ См.: Программный документ... с. 4.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ, ИДЕАЛЫ ГУМАНИЗМА И ЦЕННОСТИ ХРИСТИАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Впрочем, для отрицательного сценария развития, человечеством накоплен огромный деструктивный потенциал. Современная рыночная экономика в достаточной степени бесчеловечна, и последствия этого ощущаются все более отчетливо. Это и отчужденный труд, о котором уже было немало сказано выше, и экологический кризис, явившийся следствием грубо потребительского отношения к природе, и нездоровая структура потребления, которая поддерживается в интересах монополий. Ни для кого не секрет, что потребительский рай в меньшинстве богатых стран достигается, во-первых, ценой чудовищной эксплуатации природных ресурсов, значительная часть которых расходуется на выпуск излишней - *перепроизведенной* - продукции, а во-вторых, за счет недопотребления народов бедных стран. В угоду табачным корпорациям реклама ежедневно толкает на путь медленного самоубийства миллионы людей, в том числе детей и подростков. Жизнь и труд в индустриальном обществе оказались поставлены вверх ногами: дисциплинированный гражданин уже не работает, чтобы жить, а живет, чтобы работать. Миллионы людских судеб "съедаются" производством огромного количества заведомо бессмысленной, с точки зрения человеческих потребностей, продукции (например, новейших вооружений) или функционированием грандиозного бюрократического аппарата.

И уже маячит на горизонте коллапс индустриального общества - эксперты предсказывают исчерпание энергоресурсов в первой половине следующего века.

Вынужденный переход от свободного рынка к режиму экономики как раз и может побудить элиту к отказу от демократии и замене ее на авторитарные порядки. Первые шаги в этом направлении уже предпринимаются. Под предлогом глобализации и создания единого экономического пространства отменены или поставлены под сомнение многие завоевания трудящихся. Повсеместно навязывается новое более жесткое трудовое законодательство. Причем демократические власти мало считаются с мнением реального большинства. В Южной Корее это даже стало причиной всеобщей забастовки с настоящими уличными боями в конце 1996 - начале 1997 г. Не осталась в стороне от процессов глобализации и Россия.

Однако ситуацию вполне можно было бы изменить уже сейчас, если бы решения в сфере экономики принимала не кучка крупнейших собственников и высших начальников, а все граждане, которых эти решения касаются.

Переход к экономической демократии - необходимое, но еще недостаточное условие для гуманизации общественного производства и экономики в целом. Потребуется огромная работа по переходу на экологически чистые и ресурсосберегающие технологии, формированию здорового спроса и культуры потребления и самое главное - по изменению общественных приоритетов, признанию примата *нравственности* над производством. Но все это будет более реально в условиях экономической демократии, нежели сейчас, когда в стране безраздельно властвуют люди, утратившие совесть в боях за капитал.

Впрочем, заговорив о нравственности в экономике, мы коснулись довольно тонкой материи. В современном обществе при отсутствии реального народовластия понятие демократии приравнили к *плюрализму*, то есть многообразию. В том числе существует и большой плюрализм в вопросах нравственности. Применительно к исследуемой теме он проявляется, в частности, в одновременном существовании наряду с прочими либеральной идеологии, которая рассматривает экономический эгоизм и стяжательство в качестве добродетелей, и взглядов тех, кто вслед за Нечаевым и Лениным считает нравственным все, что способствовало победе революции и коммунизма. Для сторонников этих точек зрения понимание, что есть нравственное в экономике, будет радикально отличаться от излагаемых здесь взглядов. Исходя из этого скептики могут предложить вообще обойтись без рассмотрения подобных вопросов. Однако абсолютное стремление сохранять плюрализм как некую ценность делает невозможным не только социальный прогресс, но и вообще какие-либо осмысленные действия из-за неспособности выбрать какой-то определенный вектор развития. Ведь любой сделанный выбор есть акт воли, сужение многообразия. А выбирать нам приходится постоянно.

По вопросам - что нравственно, а что нет - бессмысленно вести теоретическую дискуссию. Выбор в этом вопросе лежит не в плоскости научного знания, а определяется такой категорией, как *совесть*.

Тем не менее представляется бесспорным тот факт, что основные ценности морали и нравственности современной европоцентричной цивилизации имеют в качестве своей

фундаментальной основы христианство, как религию и мировоззрение. Но христианских заповедей воспитаны поколения, его традиции оказали влияние на формирование взглядов даже самых радикальных атеистов, таких, как, например, Маркс.

Либерализм - идеология свободного рынка - вступает в конфликт с христианской нравственностью, провозглашающей нестяжательство и любовь к ближнему, и уподобляется при этом человеку, пылящему сук, на котором сидит.

Ведь даже сообщество экономических эгоистов не может существовать без уважения к закону, к правам других людей, без хотя бы неполного следования библийскому принципу: поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой. Иначе это общество, оставшееся без правил игры, будет раздроблено противоречиями. Но либерализм не формирует этих ценностей, а разрушает их. "Не собирайте себе сокровищ на земле" (Мф. 8: 19), "удобнее верблюду (канату) пройти сквозь игольные уши, чем богатому войти в Царствие Божие" (Лук. 18: 25), "не можете служить одновременно Богу и мамоне" (Мф. 8: 24) - эти принципы недвусмысленно противостоят монархистским теориям.

Таким образом, получается, что либерально-рыночная экономическая система в определенном смысле живет за счет уничтожаемых ею традиций христианства, как наша индустрия живет за счет уничтожаемой ею природы. Но ведь и то, и другое не может продолжаться до бесконечности. Рано или поздно это должно завершиться глобальным крахом. И если мы хотим попробовать его избежать, то нам следует как можно скорее отказаться от либеральной модели развития.

Впрочем, из вышесказанного следует и еще один важный вывод. Да простят меня воинствующие безбожники - но любые социальные новации, авторы которых искренне желают блага нашей стране, в числе прочего должны проходить тестирование и на их соответствие христианской морали, как единственной реальной основе общественной нравственности. Не должны стать исключением из этого правила и идеи экономической демократии.

Среди части общественных деятелей России, причисляющих себя к православным христианам, укоренилась последнее время точка зрения о несовместимости православия с любыми формами демократии. Одно "патриотическое" издание даже выходило, имея в качестве девиза высказывание Иоанна Кронштадтского: "Демократия в аду - а на небе царство".²¹ Не будем вступать в

богословские споры: есть ли в аду народовластие и следует ли понимать Царствие Небесное как эквивалент самодержавной монархии. Подчеркнем лишь, что подобный подход никогда не только не догматизировался, но даже официально не одобрялся Церковью. В уже цитировавшемся нами заявлении Патриарха и Синода от 28 декабря 1996 г. о демократии как таковой говорится в положительном контексте: "Церковь хотела бы напомнить о том, насколько важна свобода для полноты человеческого бытия. Свобода самовыражения, познания, поиска истины, выбора жизненного пути, передвижения, реальная, а не декларируемая свобода совести - все это является несомненным успехом развивающейся российской демократии". При этом архиепископы в своем заявлении подчеркивают, что не желают "вступать на поле политических симпатий и антипатий" и вмешиваться в политическую борьбу. Нам представляется эта позиция Патриарха и Синода чрезвычайно важной и разумной.

Попытки использовать христианство для обоснования определенного общественно-политического строя - будь-то самодержавная монархия или демократия - кажутся нам неправомерными. Сводить явление Христа к обоснованию какой-либо социальной или политической доктрины еще менее благодарное занятие, чем заколачивание гвоздей микроскопом или использование геометрии Лобачевского для кройки костюма.

В разные исторические эпохи совершенно разные политические системы были более, чем другие полезными для целей, которые "не от мира сего". Поэтому, видимо, есть смысл говорить только о том, способствуют или нет те или иные общественные институты реализации нравственных ценностей и прав личности, принципу ее духовной свободы, заложенному в христианстве.

Идеи экономической демократии, на наш взгляд, вполне соответствуют или во всяком случае не противостоят духу христианства.

В послании III съезду ФНПР Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II напомнил, что тема труда, жизни и прав трудового человека всегда находилась в центре внимания Церкви. "Труд человеку заповедан нашим Творцом изначально. История человечества является историей труда... Церковь, берегущая и передающая Божественные предания и сокровища многотысячелетнего человеческого духовного опыта, знает, что, несмотря на все связанные с ним тяготы, труд может и должен быть

²¹ См.: Политический экстремизм в России. - М., 1996, с.204.

свободным и радостным. Трудящиеся - это основа любого государства... ", - говорится в послании.²²

Человеком труда был Иисус Христос, явившийся в мир не как император или вельможа, а как ребенок из семьи назаретского плотника. В трудах добывали себе пропитание апостолы. Их проповедь была обращена в первую очередь к простым работающим людям: рыбакам и ремесленникам. Никому иному как святому апостолу Павлу принадлежит столь полюболюбившая коммунистам заповедь: "Кто не хочет трудиться, тот и не ешь" (2.Фес. 3 : 10). Богатство и алчность категорически порицались апостолами. "Имея пропитание и одежду, будем довольны тем, - говорит Павел. - А желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть, и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствия и пагубу; Ибо корень всех зол есть сребролюбие" (1.Тим. 6: 8-10). Творческое, *неотчужденное* отношение к труду демонстрирует нам евангельская притча о талантах. В ней мудрый хозяин (работодатель) поощряет самостоятельность работников в применении их талантов.

В традициях первохристиан был принцип свободного обсуждения общего дела, отказ от владычества (сверхэксплуатации), понимание руководства как служения в полном соответствии с принципом, провозглашенным Христом: "Вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; Но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугой. И кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом" (Мф. 20: 25-27). Первые дьяконы (управленцы) церкви были избраны первохристианами, и апостолы рукоположением лишь утвердили выбор общины.

Православию особенно свойственен принцип соборности. Он не исключает особой роли руководителей, но устанавливает совместное обсуждение всеми членами коллектива общих дел, принятие собором важнейших решений.

Последовательное воплощение христианских принципов в труде означает доверие между людьми, ответственность каждого за свое дело, а значит - уход от наемного рабства. "Рабом ли ты призван, не смущайся; но если и можешь сделаться свободным, то лучше воспользуйся, - говорит апостол. - Вы куплены *дорого* ценою; не делайтесь рабами человек" (1.Кор. 7: 21-23).

Долгие десятилетия по не зависящим от нее причинам Русская Православная церковь была лишена возможности сформулировать

свою позицию по социально-экономическим вопросам, и сегодня она через упомянутые нами заявления и послания делает первые шаги в этом направлении, однозначно принимая сторону "трудящихся и обремененных". Это не может не радовать профсоюзы, которые получают в лице Церкви авторитетного союзника.

Западное христианство имело больше возможностей для формулирования своих позиций в этом вопросе. Католическая Церковь разработала собственное социальное учение, которое было изложено в папских энцикликах "Rerum novarum" (1891 г.), "Quadragesimo anno" (1931 г.), "Mater et magistra" (1962 г.). В них идеи чистого либерализма и развитие по пути финансового империализма были однозначно осуждены. Католическая Церковь выступила за права трудящихся, профсоюзов и сформулировала программу, которая, по оценке ведущего теоретика германской социал-демократической партии Вилли Айхлера, чрезвычайно близка идеям экономической демократии.²³

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ И ЛИБЕРАЛЬНЫЙ "РАЦИОНАЛИЗМ"

Среди возражений, которые обычно либеральные экономисты выдвигают против идей экономической демократии, на одном из первых мест - рассуждение о ее вредности для интересов производства. "Все эти социал-демократические штучки, - говорят они, - хороши и гуманны, но экономически крайне неэффективны". Один либеральный публицист из московской газеты "Сегодня", помнится, назвал однажды социал-демократические взгляды смесью альтруизма с экономической безграмотностью.

Что ж, в том, насколько грамотными и эффективными для экономики оказались чисто либеральные рецепты, жители России уже имели возможность убедиться на собственном опыте.

Возражения отечественных либералов против экономической демократии не новы. "Поскольку так называемая экономика в течение ста лет пыталась прежде всего затормозить всякий социальный прогресс, жалуюсь на то, что он означал бы конец экономики, - пишет В. Айхлер, - никто не будет удивлен, если эти lamentации (сетования - А.И.) будут повторяться. Но они уже поистерлись, так как люди, во всяком случае в демократическом

²² "Вести ФНПР", ноябрь-декабрь 1996, № 11-12(53-54), с.19.

²³ Айхлер В. Этический реализм и социальная демократия. Избранные труды. - М., 1996, с.117-142.

государстве, не есть вещи. И в экономике не должно быть подданых!"²⁴

И действительно, когда Роберт Оуэн начал в 1810 году свой эксперимент на прядильной фабрике в Нью-Ланарке, сократив рабочий день и создав для работников человеческие условия труда и быта, не было недостатка в предсказаниях его скорого краха по "чисто экономическим причинам". В действительности же все произошло наоборот. Производительность труда на фабрике Оуэна оказалась необычайно высока. Восстановившие свои жизненные силы и ставшие более заинтересованными в сохранении своего рабочего места прядильщики за десять часов работы создавали вдвое больше продукции, чем их несчастные соседи - за четырнадцать.

Спор повторился в конце XIX века, когда профсоюзы в Европе и в Америке боролись за восьмичасовой рабочий день. Тогда оппоненты рабочего движения тоже пророчествовали, что эта реформа приведет к полному разорению народного хозяйства. Подобные стечения слышались и в нашем веке при введении оплачиваемых отпусков и оплаты больничных, а также с началом массового заключения коллективных договоров и соглашений. Словом, любой шаг по очеловечиванию условий труда, преодолению отчуждения сопровождался острой борьбой. Отстаивая свое право на сверхэксплуатацию, наиболее реакционные слои буржуазии и государственной бюрократии всегда находили поддержку со стороны апологетов свободного предпринимательства в СМИ. Но так как с позиций нравственности возражать против подобных реформ было невозможно, либеральные публицисты всякий раз пытались доказать, что социальные улучшения повлекут за собой непомерные издержки для производства. И каждый раз попадали впросак, потому что производительность менее отчужденного труда неизменно оказывалась выше и с лихвой покрывала новые расходы работодателей на социальные нужды. Также обстоит дело и с вопросом участия работников в управлении.

С шестидесятих годов в Западной Европе активно применяется практика участия трудящихся в управлении своими предприятиями через коллективные договоры и специально созданные производственные советы, и до сих пор не появилось ни одного исследования, аргументированно доказывающего, что это привело к снижению производительности труда или росту издержек. Теоретики либерализма предпочитают действовать на уровне

идеологических штампов или использовать в качестве иллюстрации своей правоты примеры из истории так называемого реального социализма, где, как уже говорилось выше, никакой экономической демократии не было.²⁵

Сама по себе логика, утверждающая, что улучшение условий жизни и работы людей, предоставление им права участвовать в решении затрагивающих их интересы производственных вопросов, могут повредить производству, - порочна. Для чего же в таком случае существует само производство? И что же на самом деле: индустрия работает в интересах людей, или люди живут ради индустрии? Поэтому вполне справедливой кажется мысль В.Айхлера: "Соучастие коллективов предприятий в экономике необходимо, так как собственность на капитал не должна означать власти распоряжаться над людьми, для которых жизнь на предприятии является главной частью их бытия".²⁶ Либеральные экономисты склонны рассматривать предприятие как чисто производственную единицу, созданную предпринимателем для решения исключительно собственных задач. Интересы наемных работников при этом рассматриваются как нечто вторичное. Между тем, как отмечал Э.Фромм: "Предприятие - это не только экономический и технический, но и социальный институт, в существовании и функционировании которого принимает активное участие и, следовательно, заинтересован каждый член коллектива".²⁷

Совершенно очевидно, что участие в управлении предприятием и получения доли прибыли делает работника более заинтересованным в конечном результате работы, более

²⁵ Пожалуй, единственное основание для их спекуляций вроде бы дает эксперимент по внедрению производственного самоуправления в титовской Югославии. Однако не стоит забывать, что, во-первых, элементы производственной демократии там были сильно искажены институтами государственного социализма, такими, как директивное планирование, идеологический диктат партии в экономике, всевластие бюрократии, насаждаемая ею уравниловка. Во-вторых, проведение этого эксперимента активно противодействовал как советский блок, так и международные финансовые круги, и отказ от элементов самоуправления произошел, в конечном итоге, именно под их давлением. В-третьих, даже в искаженном виде производственное самоуправление оказалось не столь уж неэффективным. - Находясь, что называется, между молотом и наковальней, Югославия быстро и более болезненно, чем другие страны, прошла индустриализацию, к началу 80-х во много раз превысив свой довоенный уровень развития, а по реальному благосостоянию людей опередила весь социалистический лагерь.

²⁶ Айхлер В. Там же, с.177.

²⁷ Фромм Э. Иметь или быть? - М., 1990, с.188.

компетентным, более способным к пониманию проблем, смежных с его непосредственной деятельностью. А это неизбежно ведет к повышению производительности и качества труда.

Экономическая демократия в масштабах страны способна обеспечить более пропорциональное развитие народного хозяйства, более справедливое распределение национального дохода, и это последнее в свою очередь станет залогом развития производства. Поскольку, с одной стороны, более обеспеченные и имеющие большие досуговые возможности работники способны к более квалифицированному и производительному труду. А, с другой стороны, рыночная экономика не может развиваться без устойчивого спроса на товары, и поэтому справедливое распределение национального дохода окажет рынку неоценимую услугу, обеспечив платжеспособность самого массового покупателя - трудящихся.

Способом от противного эта истина была доказана в России, где попытки строить рыночную экономику ценой обнищания широких слоев народа полностью провалились. Вот факты, приведенные в Отчетном докладе Генерального Совета ФНИР III съезду: "С 1991 года реальные доходы трудящегося большинства населения понизились более чем на 40%... Сегодня более 60% валового внутреннего продукта производится в негосударственном секторе. Но при этом лишь небольшую часть экономики, связанную с экспортом и банковско-финансовой системой, можно назвать подлинно рыночным сектором. Большая часть предприятий приспосабливается к выживанию в условиях острого дефицита средств за счет не эффективных как для них самих, так и для общества способов: неплательшей, бартера, ухода от налогов и т.д.... За 1992 - 1995 годы валовый внутренний продукт сократился на 35%".²⁸

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ И ТРАДИЦИИ РУССКОЙ ОБЩИНЫ

Среди причин, вызвавших обвальное падение производства в современной России, не последнее место, вероятно, занимает снижение *производительности труда*. А ведь наши монетаристы предсказывали совсем иные последствия рыночных реформ! Нам рассказывали, что ничем не ограниченная возможность заработка, с одной стороны, и угроза нищеты и безработицы - с другой, приведут

к невиданному подъему деловой активности людей. Однако ничего подобного на горизонте не наблюдается. Напротив, разрушаются последние стимулы к честному труду, упал престиж образования и высокой квалификации. Происходит это потому, что идеология экономического эгоизма углубила отчуждение труда, войдя в противоречие с национальными особенностями социальной психологии российских работников.

Сегодня в мире существует только одна страна, где экономический либерализм в чистом виде, не встречая достаточного сопротивления массовых социальных движений, более или менее доказал свою эффективность - это Соединенные Штаты Америки. Но, прежде чем бросаться внедрять ее передовой опыт, нужно осознать феномен этого государства. Америка - страна эмигрантов, страна протестантов. Там никогда не существовало традиционного общества, крестьянской общины, ремесленных цехов. Туда устремлялись изгнанные со всего света, ставившие личную свободу выше человеческой солидарности. Там кальвинистская этика возвела стремление к обогащению, воспринимаемое православным и католическим сознанием как грех стяжательства, в добродетель. Описанный Э.Фроммом "рыночный характер" стал в США преобладающим социально-психологическим типом. В этой стране никогда не существовало политически сильного рабочего движения.

Россия в данном случае являет собой противоположность Америке. В нашей стране всегда господствовало и господствует *понятие общинное сознание*. И американские экономические рецепты им не перевариваются. Эти слова пишутся не для того, чтобы восславить одних и унижить других, они - просто констатация факта.

Сельская община, возникшая в России в незапамятные времена, пережила все катаклизмы и существует поныне. В начале XX века в ней жило то, что давно отмерло в Западной Европе: регулярный передел земельных наделов, общие угодья, деревенское стадо, коллективный труд, круговая порука. Даже при самом глухом крепостничестве община имела самоуправление - сходы и выборы. Попытка П.А.Столыпина разрушить общину полностью провалилась. Вслед за царским премьером-реформатором попытку развалить общину предприняли большевики, развязав в годы военного коммунизма классовую войну и террор со стороны так называемой бедноты в деревне. Их попытка вновь не увенчалась успехом. Общину смогли извратить, сделав колхозом, но не уничтожили.

²⁸ Отчетный доклад... с. 11-12.

Через иные корпоративные структуры - слободы, гильдии, артели, ремесленные цеха - община издревле наполняла собой и городскую жизнь России. Все наиболее крупные мыслители XIX века признавали особую роль общины в русской истории и российском обществе. Включая, между прочим, К.Маркса, оказавшегося и в этом вопросе наимного умнее ортодоксальных марксистов.²⁹ Господствующим направлением в русском социализме вплоть до 1917 года оставалось народничество (от эсеровского "боевого" до энесовского либерального), чья программа вместо большевистского тотального разрушения традиционного общества "до основания" предполагала сохранение и развитие института общины.³⁰ Идея сохранения и развития русской общины были стержневыми и у философов-славянофилов, и у видных религиозных православных мыслителей. За ее разрушение выступали только западники: справа - Столыпин и либералы, слева - большевики. Плоды их деятельности оказались для страны столь же катастрофичными, как и нынешние реформы их духовных последователей.

Пройдя через ужасы революций, гражданской войны, чисток и экономических экспериментов, российское общество хоть и в искаженной форме вновь возродило уже при социалистическом строе институт производственной общины с ее сильными и слабыми сторонами в форме трудовых коллективов.

Можно не сомневаться в том, что попытка и нынешних западников преодолеть "общинизм" российского сознания успехом не увенчается. Но сколько еще напрасных жертв будет принесено во имя реализации абстрактной, оторванной от нашей почвы экономической схемы?!

²⁹ См., например, его известный первый набросок ответа на письмо В.И.Засулич: "Россия - единственная европейская страна, в которой "земледельческая община" сохранилась в национальном масштабе до наших дней... Сохранение "сельской общины" путем ее дальнейшей эволюции совпадает с общим движением русского общества, возрождение которого может быть куплено только этой ценой. Даже с чисто экономической точки зрения Россия может выйти из тупика, в котором находится ее земледелие, только путем развития своей сельской общины..." (Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в трех томах. - М., 1981, т.3, с.173,175).

³⁰ Уже в советское время появились работы таких историков, как В.Ф.Антонов, В.А.Малинина, Н.А.Троицкий, И.С.Федоряк, которые хотя и вынужденно и отдавали дань официальной идеологии, но сумели убедительно доказать, что идеи общинного социализма русских народников были вполне органичны для российской жизни и ее традиций.

А между тем бесплодная борьба либералов против коллективистской психологии нашего народа является результатом их *самообмана*. Самих себя и значительную часть общества они убедили в том, что только на принципах радикального индивидуализма, чуть сдерживаемого государственным контролем, можно построить эффективную рыночную экономику. Но ведь это абсолютно не так! Разве в Японии, где производство целиком пронизано духом общинности и корпоративизма, рыночная экономика действует не эффективно? Почему же с таким упорством предлагается нам именно американская модель производственных отношений? Впрочем, вопрос этот, скорее, риторический, и ответ на него лежит за рамками нашей темы.

Можно предположить, что сами по себе психологические стимулы к труду для человека коллективистского сознания резко отличаются от стимулов индивидуалиста. Любому человеку характерно стремление к успеху, высокой оценке его личных достижений окружающими. Но для индивидуалиста более важен этот успех в его собственных глазах или в глазах *абстрактной* публики, а для коллективиста важнее признание его заслуг коллективом, корпорацией к которой он принадлежит. Для индивидуалиста важен престиж исключительно его личного труда - безотносительно к тому, эффективно или нет само дело, которому он служит. Для коллективиста не меньше, чем личный успех, значит престижность его фирмы, команды, учреждения. Психологами этот феномен называется патриотизмом малой группы. И этот патриотизм, оказывается, настолько силен, что ради него коллективист готов жертвовать личными интересами. Но в ответ коллективист хочет чувствовать себя неотъемлемой - и в чем-то незаменимой - частью коллектива, быть реально в курсе всех его дел, иметь голос при принятии стратегически важных решений. Индивидуалист, в основе психологии которого *рыночный характер*, вполне приемлет "контрактный" подход к "продаже" своего труда, когда перед ним ставится условие за определенную плату выполнять определенные функции, и ничто другое на производстве не должно его волновать. Коллективиста такой подход, по меньшей мере, разочаровывает, труд в подобных условиях становится для него сверхконтужденным и сам по себе не приносит никакого удовлетворения.

Из сказанного следует, что коллективист испытывает гораздо большую психологическую потребность в экономической демократии, нежели индивидуалист. Без хотя бы элементов экономической демократии от коллективиста вообще не приходится

ожидать более или менее производительного труда. Поэтому в России даже при самых деспотичных режимах сохранялись элементы базовой производственной демократии. Они были и в самоуправлении сельских общин в прошлые века, и в деятельности профсоюзных первичек в советское время.

И можно утверждать, что восстановление производства и повышение производительности труда в России неотделимы от развития экономической демократии.

ПУТИ РЕАЛИЗАЦИИ ИДЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ

Даже самые прекрасные теории могут превратиться в собственную противоположность при их практической реализации. Наверное, именно поэтому сказано, что дорога в ад вымощена благими намерениями. Не составляют исключения и идеи экономической демократии. В нашей стране за последние годы мы имеем, по крайней мере, две явно неудачные попытки их реализации.

Первая связана с историей рождения и смерти так называемых советов трудовых коллективов (СТК), которые во второй половине 80-х гг., активно создавались на всех советских предприятиях и во всех учреждениях. Большая часть насажденных сверху, по разнарядке СТК так и остались чисто формальными органами, пятым колесом в производственной телеге. Меньшинство, проявившее активность, немедленно вступило в противоречие с уже действовавшими повсюду профсоюзами. В условиях, когда каждый член трудового коллектива был одновременно и членом профсоюзной организации, разграничение компетенции СТК и профкомов могло быть чисто теоретическим, на практике же сплошь и рядом возникало взаимное дублирование функций. Этим поспешили воспользоваться некоторые руководители, которые в собственных интересах стали сознательно сталкивать и противопоставлять друг другу профкомы и СТК. Советы трудовых коллективов при этом, как правило, становились рупором администрации.

Я вовсе не склонен идеализировать традиционные советские профсоюзы, которые в те годы были столь же номенклатурны и бюрократичны, как и все общественные организации. Однако в

ситуации конца 80-х они практически всегда оказывались более независимы, чем СТК. И тому были объективные причины.

Во-первых, структура СТК, как правило, создавалась, исходя из принципов паритетного представительства администрации и прочих сотрудников. Представители руководства предприятия при этом входили в состав СТК, а зачастую и возглавляли его; в то время как при выборах профкома хотя бы численно преобладали голоса рядовых работников, а посты председателя профорганизации и директора всегда занимали разные люди.

Во-вторых, профсоюз изначально создавался как *правозащитная*, а значит, находящаяся как бы в определенной оппозиции к техническому руководству предприятия организация. Даже в советское время эта его функция сохранялась. Профком был обязан требовать от начальства соблюдения норм технической безопасности, выполнения законодательства о труде, коллективного договора и т.п. Все это делало его менее удобным для администрации, чем СТК.

В-третьих, профком был частью структуры, независимой от администрации каждого конкретного предприятия. Над ним находились вышестоящие профорганы, требовавшие - пусть номенклатурными методами - но выполнения возложенной на профсоюз защитной функции. В свою очередь, профком мог в случае конфликта с администрацией апеллировать к этим структурам. СТК же имел единственное начальство - собственного директора, который, кстати, и не рассматривался в рамках концепции единого трудового коллектива как оппонент.

Редкие самостоятельные и политически активные СТК сформировали в конце 80-х собственное объединение "Союз трудовых коллективов". Но хотя его никто не преследовал и не разгонял, он в отличие от массовых профсоюзов в 1992 году фактически прекратил свою деятельность.

От бывшего объединения осталось несколько активистов, связавших с идеями СТК свою политическую судьбу. Они до сих пор пытаются реанимировать умершую инициативу, добиваясь принятия соответствующих законов. Но общественное движение никогда никакими законами не может быть создано сверху. Точно также, как отсутствие закона не делает реальные общественные движения менее реальными. (До 1996 года в России, например, не было закона "О профсоюзах", но профсоюзы при этом существовали).

Вторая неудачная попытка поиграть в экономическую демократию была связана с процессом массовой *приватизации* по

предложенной г-ном Чубайсом схеме. Мысль о том, что рабочие, став мелкими акционерами своих предприятий, превратились тем самым в их совладельцев, довольно часто высказывалась в прессе.

Часть работодателей поспешила вновь истолковать эту идею в антипрофсоюзном духе. На ряде предприятий профсоюзные организации были распущены по предложению администрации под тем предлогом, что работники-де теперь сами стали хозяевами и их не от кого защищать. Аргументация либеральных реформаторов в данном случае, как видим, оказалась похожей на ту, которой пользовались в свое время государственные социалисты. Результаты, впрочем, тоже были весьма схожими. Права мелких акционеров оказались призрачными. Реальную власть над предприятием сосредоточили в своих руках администрация и новые собственники контрольного пакета акций. Часто, впрочем, это были одни и те же лица. Оставшись без профсоюза, работники в такой ситуации утратили даже самый минимальный контроль за реальным положением дел, подвергались сверхэксплуатации и грубому нарушению своих законных прав. Ведь мелкие акционеры так и оставались в первую очередь наемными работниками, и в этом качестве реальные хозяева по-прежнему могли спокойно их уволить или лишить части законно заработанных денег, задержав зарплату либо утаив прибыль.

Эти опыты наглядно показали, что попытки сформировать институты экономической демократии параллельно или даже в противовес уже существующим реальным объединениям наемных работников - профсоюзам - деструктивны и идут вразрез с интересами трудящихся. "На современном производстве, - говорится в Программном документе ФНПР, - необходима именно профсоюзная организация, защищающая каждого работника как личность перед лицом работодателя, кем бы он ни был. Именно профсоюзная организация является очагом производственной демократии, и создание органов самоуправления или участия в управлении производством должно вестись не параллельно и не вопреки ей, а на ее основе".³¹ Самими профсоюзами создавались органы участия трудящихся в управлении производством в Западной Европе. Для России же подобная постановка вопроса тем более правомерна, что у нас массовые профсоюзы по-прежнему объединяют подавляющее

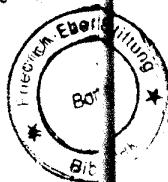
большинство работающих по найму³² и им удалось избежать раскола по политическому признаку.

Важно также иметь в виду, что экономическая демократия не может ограничиваться рамками одного предприятия. Решение целого ряда важнейших вопросов, связанных с развитием производства и распределением национального дохода и отражающихся на доходах трудящихся, осуществляется на уровне региона, отрасли или страны в целом. Для обеспечения участия работников в решении этих вопросов должна существовать структура, представляющая и защищающая их интересы на каждом уровне. В современном обществе такой структурой обладают только профсоюзы. Благодаря существованию системы двух- и трехсторонних переговоров и соглашений они имеют возможность воздействовать на позиции работодателей и властей, на принимаемые ими решения в социальной сфере.

Таким образом, конкретной *формой* реализации принципов экономической демократии может и должен стать сегодня институт *социального партнерства*. Решение этой задачи потребует последовательного изменения содержания коллективных договоров и соглашений и создания органов контроля за их реализацией на всех уровнях. Должен быть качественно повышен статус Российской трехсторонней комиссии, трехсторонних комиссий в регионах и отраслях, а также статус заключаемых в их рамках соглашений. Суть этих изменений сформулирована в Программном документе ФНПР: "Ни один федеральный или местный законопроект, касающийся социальной сферы или трудовых отношений, не должен приниматься без предварительного согласования с трехсторонней комиссией соответствующего уровня. Общероссийским объединениям профсоюзов должно быть предоставлено право законодательной инициативы. Генеральное соглашение между правительством, объединениями работодателей и профсоюзами должно получить статус закона и неукоснительно соблюдаться всеми сторонами и должностными лицами. Федеральный закон должен обязывать работодателей и власти на всех уровнях вести переговоры с объединениями трудящихся, и заключать коллективные договоры и соглашения, и не допускать принятия решений, касающихся условий труда и его оплаты, изменения формы собственности и реорганизации предприятий,

³² В Отчетном докладе Генсовета III съезду ФНПР численность входящих в Федерацию профобъединений определена в 88,5% от общего числа работающих. (См. Отчетный доклад... с.16).

³¹ Программный документ... с.4.

высвобождения работников и установления социальных выплат и компенсаций без участия профсоюзов. Должно быть гарантировано участие трудящихся в управлении производством и в получении согласованной доли прибыли, независимо от формы собственности предприятия".³³ Представляется, что для реализации этой задачи непосредственно на предприятиях было бы целесообразно сформировать специальный орган (условно назовем его **производственный совет**), аналогичный трехсторонним комиссиям на более высоком уровне. В функции подобного производственного совета входил бы контроль за реализацией коллективного договора, включая такие вопросы, как участие данного совета в управлении производством, распределении прибыли и т.п., которые должны быть обязательно обозначены в коллективном договоре. Формироваться такой производственный совет мог бы на паритетной основе из представителей работодателя и профсоюзной организации. Там, где действует несколько профсоюзных организаций, они входили бы в производственный совет с учетом принципа их представительности, как предусмотрено ст.13 Закона РФ "О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности". В тех случаях, когда предприятие является крупным, градообразующим и от его деятельности зависит жизнь города или поселка, целесообразно, чтобы в качестве третьей стороны в производственный совет входили бы представители местных органов власти.

Против такой схемы реализации принципов экономической демократии обычно приводятся два возражения. Во-первых, говорится о том, что профсоюзные организации существуют сегодня далеко не на всех предприятиях и поэтому, при принятии этих предложений, вне системы производственной демократии могут оказаться многие работники. Во-вторых, массовые профсоюзы в России, как и во всем мире, сегодня бюрократизированы, а следовательно, сами *отчуждены* от работников и не вполне адекватно представляют их интересы. Эти аргументы обычно приводятся как взаимодополняющие, хотя на самом деле они исключают друг друга.

Ведь, если даже согласиться с тем, что сегодня часть уже необязательных и непоследовательных профкомов формальны и бюрократичны, то из этого, безусловно, следует, что обязательное создание новых органов производственного самоуправления - путь ложный. Раз люди, работающие на предприятии, не смогли сделать

свою профсоюзную организацию реальной, то почему же они смогут сделать реальным некий орган, не имеющий в отличие от профсоюза ни собственного устава, ни традиций правозащитной борьбы, ни организационных связей с другими отрядами рабочего движения?!

Закон лишь *гарантирует* трудящимся определенные права, но сам по себе он не может научить их этими правами *пользоваться*. Выборный производственный совет на предприятии, где трудящиеся по тем или иным причинам пассивны и не способны к самоорганизации, станет лишь еще одной ширмой для работодателя. Поэтому вполне демократично и целесообразно, чтобы закон предоставлял право участия трудящихся в управлении экономической *через профсоюзы*. И если работники того или иного предприятия действительно дозрели до того, чтобы этим правом воспользоваться, никто не помешает им создать профсоюзную организацию там, где ее нет, или вступить в существующую. Если же они не способны к такому шагу, то их право на самоуправление все равно останется только на бумаге.

Второе возражение более серьезно. Действительно, может вызывать сомнение, что профсоюзы в их сегодняшнем виде способны адекватно выразить и защитить на всех уровнях интересы трудящихся и что эти интересы в продвижении доминируют над собственными интересами профбюрократии. Э.Фромм, например, говоря об индустриальной демократии, подчеркивал: "Важно, чтобы сами рабочие и служащие, а не официальные профсоюзные деятели, функционирующие вне предприятий, представляли их интересы".³⁴

Теоретически этот лозунг кажется бесспорным. Однако жизнь сложнее бесспорных лозунгов. Современные технологии дают реальную возможность трудящимся *непосредственно* защищать и представлять свои интересы только на рабочем месте - их непосредственной работы: в цехе, лаборатории, в отделе. На более высоком уровне они должны передоверять эту функцию специально созданным ими объединениям и их органам. Для эффективного функционирования такое объединение создает оплачиваемый *аппарат* из освобожденных выборных руководителей и наемных специалистов. Каждому аппарату в той или иной степени свойственна бюрократизация, точно также, как каждая ступень опосредования в самом процессе представительства интересов означает их неизбежное отчуждение. *Бюрократизм*, а как явление, собственно, и есть ничто другое, как отчужденное

³³ Там же, с. 7.

³⁴ Фромм. Э. *Иметь или быть?* - М., 1990, с.188.

представительство тех или иных интересов. Но, как уже говорилось, неизбежные недостатки любого разделения труда вовсе не означают, что мы не должны пользоваться его преимуществами. Профсоюзному движению нужны собственные освобожденные работники: юристы, экономисты, журналисты, специалисты-организаторы, наконец, харизматические лидеры. Без них оно будет неспособно выдерживать противоборство с работодателями, на стороне которых богатство, огромная экономическая власть и аппарат управления предприятиями и корпорациями. Любой аппарат имеет тенденцию к бюрократизации, но это не означает, что мы должны от собственного аппарата отказаться. Зная об этой тенденции, мы должны с ней бороться, препятствовать бюрократическому перерождению наших организаций. Уже сейчас очевиден ряд мер, которые необходимо принять профсоюзному движению для сдерживания своей бюрократии. Во-первых, нужно обеспечивать обязательное избрание во все руководящие профсоюзные органы - начиная с профкома предприятия и кончая Исполкомом Генсовета ФНПР - неосвобожденных профактивистов рабочих и служащих, а также представителей молодежи и женщин, для которых должны быть предусмотрены обязательные квоты. Во-вторых, следует изменить принципы формирования расходной части бюджетов профорганов всех уровней, разделив бюджет на целевые фонды: забастовочный, солидарности, информации, подготовки кадров, политической работы и т.п., определив, что средства каждого из этих фондов могут расходоваться строго на данные цели и пересмотр соотношения выделяемых из бюджета средств может быть осуществлен только принявшим бюджет выборным (или делегированным) органом. Это, безусловно, сузит почву для аппаратных злоупотреблений. В-третьих, необходимо как можно шире использовать практику прямой демократии: проведения опросов и референдумов по важнейшим вопросам профсоюзной жизни.

Но лучшим способом борьбы с бюрократизмом является активное участие рядовых членов профсоюзов в деятельности своих организаций. Эта активность, в свою очередь, будет тем выше, чем больше будет их заинтересованность в результатах работы собственной профорганизации. Здесь существует взаимозависимость. Чем активнее будет борьба работников, тем больше прав будет у их профсоюзов. И наоборот, чем больше реальных прав и реальных возможностей будет у профсоюза, тем активнее трудящиеся будут стремиться этими правами воспользоваться, а следовательно, тем сильнее будет их давление на

аппарат, меньше степень отчуждения, бюрократизма в организации. Экономическая демократия таким образом может стать лекарством и против внутрипрофсоюзной бюрократии.

Доказательство этому тезису - судьба традиционных профсоюзов России.

В начале 90-х годов только ленивый публицист не предсказывал им скорый крах и развал. И, казалось, бы у таких предсказателей были свои резоны: огромная масса рядовых членов профсоюзов воспринимала их как отчужденную полугосударственную структуру. Однако жизнь шла, а ФНПР и отраслевые профсоюзы не только не развалились, но и, несмотря на все материальные и людские потери последних лет, как общественная организация стали реальнее и сильнее. Еще, казалось бы, вчера ФНПР сместила своих оппонентов пикетами из сотрудников собственного аппарата у правительственных зданий, а сегодня мало кто сомневается в способности профцентра организовать и провести многомиллионную акцию протеста. Дело в том, что вновь приобретенное в последние годы реальное право профсоюзов отстаивать интересы своих рядовых членов, в том числе и конфронтируя при необходимости с властью и работодателями, сделало сами профсоюзы более необходимыми и реальными для простых людей. Это в свою очередь дало импульс к их внутренней демократизации, переориентации с роли номенклатурного органа социального обеспечения на роль правозащитной общественной организации. В профсоюзах как бы проснулось дремавшее во времена государственного социализма их сущностное, *родовое* начало.

Попытки же изобрести велосипед, создать заново "чистые" профсоюзы, не содержащие в себе элементов номенклатурности и бюрократизма, претерпели в России полное фиаско. Альтернативные профбъединения, возникшие в эти годы в нашей стране, так и не смогли стать массовыми, но им при этом не удалось избежать быстрого бюрократического перерождения своей верхушки, ее отчуждения от нужд трудящихся. От прежнего демократического порыва остались только словесные штампы.³⁵

Добровольный отказ лидеров альтернативного профдвижения от политической независимости и их самоподчинение новым

³⁵ Дело дошло до курьеза, когда поддерживающие официальную экономическую политику государственной власти и, в свою очередь, поддерживаемые этой властью лидеры альтернативных профсоюзов продолжали по инерции называть оппоизирующее правительству профсоюзы ФНПР официальными и государственными.

властям не были случайны. Союзом с начальством ценой поддержки явно антирабочих либеральных реформ они пытались компенсировать свою основную проблему в конкуренции со "старыми" профсоюзами - отсутствие массовой базы. Я лично знаю многих лидеров-альтернативщиков и с сожалением вынужден констатировать, что они так и не поняли, что их неспособность создать массовые организации была изначально предопределена их собственным выбором. Встав единожды на путь раскола, разрыва с традицией, они тем самым запрограммировали свою судьбу вечных сектантов и раскольников. Пусть даже руководствуясь благими порывами, они тем не менее поставили под сомнение фундаментальную ценность любого массового народного движения - его единство и солидарность. Считая себя более передовыми и организованными, они отделились от своих "отсталых" братьев по классу в новые, вроде бы более демократичные, более соответствующие абстрактным принципам структуры. Эволюции, постепенному реформированию массовых союзов они предпочли путь "революционного авангарда". Но тем самым заложили сами под себя мину бесконечных расколов. Ибо впрямь для членов их собственных организаций уже не будет никогда психологического барьера, заставляющего остановиться перед угрозой утраты единства. Теперь лидеры различных "конфедераций труда" могут сколько угодно закидывать о единстве действий, но любой не довольный их стилем руководства или считающий свои взгляды более правильными, "альтернативный" профсоюзник будет решать свои проблемы ценой разрыва. А этот путь неизбежно ведет в тупик.

Профсоюз не партия. Он крепок не радикализмом программы, не личными качествами вождя, а массовостью, способностью противопоставить воле работодателя волю как можно большего числа работников. Поэтому подлинный профсоюз ориентируется не на передовых, а на обычных людей со всеми их предрассудками, недостаточной смелостью, консерватизмом. И действия профсоюза определяются, в конце концов, именно потребностями этих людей. Их психологию нельзя изменить в одночасье, нужно жить и меняться вместе с ними.

Впрочем, во избежании недоразумений еще раз оговорюсь, что я вовсе не склонен к идеализации массового профдвижения. Его было за что ругать раньше, есть за что ругать и сейчас. Но именно оно является продолжением непрерывной традиции рабочих организаций, родившихся в нашей стране почти век назад и переживших вместе со своим народом войны и революции, часы

свободы и десятилетия рабства. И поэтому, наверное, справедливо было бы утверждать, что настоящим инструментом экономической демократии будут даже не сами традиционные профсоюзы в их нынешнем виде, а те организации, которыми они *станут* в ходе борьбы за реализацию демократических принципов на производстве, за свое собственное реформирование и возрождение. Первые шаги к такому возрождению уже делаются, и среди них - постепенное обретение своей идеологии, своего смысла.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая этот краткий очерк, посвященный новой идеологии традиционных профсоюзов России, я хотел бы рассмотреть идею экономической демократии в политических терминах. С этой точки зрения новая идеология профсоюзов, нравится это кому-либо или нет, продолжает оставаться идеологией левой, *социалистической*. В сегодняшнем мире старые политические термины девальвированы и слово "социализм" в нашей стране дискредитировано отнюдь не меньше, чем "демократия". И все же пока ему нет адекватной замены.

Под социализмом я понимаю путь к обществу, основанному на передовых технологиях и ставящему в центр своего существования не погоню за прибылью, а развитие человеческой личности, обеспечение ее экономической и политической свободы, социальной защищенности и максимально возможного равноправия людей. Основные принципы социализма - это принципы *свободы, справедливости и солидарности*, из которых третий является важнейшим. Человеческая солидарность одновременно и включает в себя свободу и справедливость, и является единственно возможной основой для их достижения. Включает, потому что подлинная солидарность - есть *свободное* проявление согласия между людьми, договорившимися о взаимопомощи на основе общего понимания *справедливости*. Является основой, потому что исторический опыт, и в особенности опыт рабочего движения, наглядно показал: добиться свободы и справедливости можно лишь объединившись в *солидарных* действиях. Там, где совместная деятельность людей строится на принципах солидарности, отсутствует насилие и угнетение. В этом смысле слово "солидарность" является синонимом слова "социализм", и профсоюзы, как организации практической солидарности, безусловно, организации социалистические.

Но социализм, с изложенных здесь позиций, являет собой, скорее, не определенный общественно-политический строй, не стадию или фазу общественного развития, а *путь*. Путь постепенного преодоления социального отчуждения, очеловечивания общественных отношений, более равномерного разделения власти и ответственности между всеми дееспособными членами общества, справедливого распределения духовных и материальных благ. В отличие от рецептов госсocialистов экономическая демократия не может утвердиться в результате одномоментного скачка, революции; ее нельзя провозгласить с помощью декретов; законы способны создать лишь *формальные* условия для ее реализации. Углубление экономической демократии может быть только следствием роста культуры трудящихся, их способности к самоорганизации и к участию в управлении общественными делами. Революционным скачком с неизбежными последующими откатами в реакцию мы противопоставляем постепенное, но последовательное движение вперед, путь социальных реформ, подкреплемых усиливающейся самоорганизацией людей на их рабочих местах. Поэтому экономическая демократия есть *реформистская* идеология, отвергающая радикализм средств ради глубины целей.

Сторонники экономической демократии не ассоциируют победу трудящихся, торжество социализма с сосредоточением средств производства в руках государства. Признавая важную роль демократического государства в регулировании экономических процессов, мы вместе с тем считаем, что оно должно создать лишь *внешние* условия для социализации национальной экономики. Такими внешними условиями являются: формирование необходимой законодательной базы, регулирование трудовых отношений, индикативное планирование и поддержание общественно приемлемых пропорций народного хозяйства, контроль за естественными монополистами и ограничение иных монополий, поддержание заведомо нерентабельных, но общественно значимых отраслей, перераспределение доходов от сверхбогатых к наиболее нуждающимся. Но внутренней составляющей процесса социализации будет развитие общественного *самоуправления*, в котором базовая роль принадлежит участию трудящихся в управлении производством.

Экономическая демократия при этом не отрицает и не принижает особую роль управленцев и инвесторов, без которых невозможна организация современного производства. Поэтому в этой работе постоянно говорилось не об экономическом всевластии

трудящихся, а об их участии в управлении. Под другими равноправными участниками процесса управления подразумевались управленческий аппарат и владельцы капитала. Здесь были отвергнуты как коммунистическая утопия о возможности в современном обществе власти самих трудящихся, так и идеи либералов, отстаивающих право собственников средств производства играть роль самодержцев у себя на предприятиях. Вместо взаимного стремления к подчинению и подавлению профсоюзы предлагают всем сторонам производственного процесса партнерство. Поэтому экономическая демократия - это реальный путь от классовой вражды к *классовому сотрудничеству* и согласию. Ориентация на классовое сотрудничество и социальное партнерство, однако, не означает отказа от мирных способов борьбы. Последовательная *борьба трудящихся* и их профсоюзов за свои права необходима, во-первых, потому, что каждый шаг по углублению экономической демократии будет неизбежно встречать сопротивление наиболее реакционных слоев буржуазии и бюрократии, нежелающих расставаться со своими привилегиями. А во-вторых, работники всегда должны быть готовы к обороне уже завоеванных прав и социальных гарантий. В этом случае по отношению к своим партнерам профсоюзы будут вынуждены действовать по формуле "*принуждение к миру*". И на обвинения в оппортунизме, которые звучали и, вероятно, будут звучать в наш адрес, я отвечаю: мы готовы к самой решительной и бескомпромиссной борьбе, но за реальные, а не за мифические цели, за конкретные интересы людей труда, а не за воплощение идеологических догм.

Борьба за экономическую демократию является частью большой работы по демократизации всех сфер жизни общества. В этой общей работе мы соседствуем и взаимодействуем с множеством других общественных движений: "зелеными" и объединениями потребителей, защитниками культуры и органами территориального самоуправления. У нас с ними общие враги - алчность капитала и произвол бюрократии, общая глобальная цель - преодоление социального отчуждения. И мы взаимодополняем друг друга. Поэтому экономическая демократия неизбежно должна стать частью идеологии формирующегося *гражданского общества*, основой которого были и будут самые массовые общественные организации - профсоюзы.

СОДЕРЖАНИЕ

Зачем профсоюзам идеология? (вместо введения)	3
Есть ли альтернатива идеям экономической демократии?	6
Проблема отчуждения или в чем Маркс был прав	10
В чем мы разошлись с Марксом	13
Путь к преодолению социального отчуждения	15
Экономическая демократия - основа демократии в политической сфере	19
Экономическая демократия, идеалы гуманизма и ценности христианской цивилизации	24
Экономическая демократия и либеральный "рационализм"	29
Экономическая демократия и традиции русской общины	32
Пути реализации идей экономической демократии в России	36
Заключение	45

ОБ АВТОРЕ

Исаев Андрей Константинович родился в 1964 г. В 1989 г. окончил исторический факультет Московского государственного педагогического института им. В.И.Ленина (МГПИ).

С 1987 г. активно участвует в общественно-политическом движении, был лидером ряда неформальных объединений. В 1990 г. явился одним из создателей Информационного центра рабочего и профсоюзного движения КАС-КОР.

С 1991 г. - главный редактор газеты профсоюзов "Солидарность", с 1995 г. - секретарь Федерации независимых профсоюзов России.

Является Президентом Межрегиональной общественной организации "Профпресса", председателем Совета по молодежной политике ФНПР, секретарем Федерального совета Общероссийского общественного движения "Союз Труда".

Автор нескольких десятков статей по теории и истории рабочего и социалистического движения, книги "Демократический социализм - будущее России" (совместно с А.В.Шубиным. М., 1995).